

**Меня зовут
Гэсэр 5**

Byir Byira

Меня зовут Гэсэр 5

«Автор»

2026

Буира В.

Меня зовут Гэсэр 5 / В. Буира — «Автор», 2026

Гэсэр оказывается в Нью-Йорке. Его понимание мира переворачивают этот город наживы

© Буира В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Встреча	5
Глава 2 Не принятое предупреждение	6
Глава 3 Бремя высоты	8
Глава 4 В Таксимо.	9
Глава 5 Не те пошли черти сегодня	11
Глава 6 Степняк в алгоритмах Уолл-Стрит	13
Глава 7 Немцы в кармане	15
Глава 8 Откуда деньги	17
Глава 9 Зашла Лью	18
Глава 10 Офис CFIUS	20
Глава 11 Стальные узы	22
Глава 12 Три часа назад	24
Глава 13	25
Пролог	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Вуир Вуира

Меня зовут Гэсэр 5

Глава 1 Встреча

Зал частной галереи погружен в полумрак. Лиза Юнг медленно идет вдоль витрин, где под бронированным стеклом выставлены редчайшие образцы минералов. Её внимание привлекает центральный экспонат — массивный блок черного хотанского нефрита. В свете направленных ламп он кажется куском застывшей тьмы, поглощающим любой блик. Рядом со стендом стоит мужчина. Это Баир. Он неподвижен, его взгляд прикован к камню. Лиза замечает странную метаморфозу: черный, непроницаемый монолит внутри витрины начинает отвечать на его присутствие. Глубоко в структуре камня пробуждается жизнь. Чернота не светлеет, но внутри нее начинают пульсировать едва заметные, как всполохи в ночном небе, изумрудные жилы. Камень подает знак, едва уловимо мерцая в такт дыханию человека, стоящего по ту сторону стекла. Лиза замирает, пытаясь понять природу этого свечения. Но когда она делает шаг вперед, Баир плавно отстраняется и исчезает в галерее теней. Витрина снова становится мертвой и непроницаемой.

Лиза и Ток Хан направляются к выходу. Ток Хан сосредоточен на стратегии поглощения в рамках Global Nexus Systems (GNS), его ум оперирует потоками данных и рыночными слепыми зонами.

— Лиза, этот актив переоценен, — говорит Ток, — там нет фундаментальной стоимости, только шум.

— Стоимость не всегда в цифрах, Ток, — тихо отвечает она, останавливаясь у массивной колонны.

В центре вестибюля их ждет Баир. В руках он держит изумительную фигуру из белого нефрита. Резьба настолько точна, что камень кажется податливым и мягким. Лиза подходит первой.

— Вы оставили черный нефрит в галерее очень одиноким, — говорит она.

Баир едва заметно склоняет голову. Он протягивает ей белую фигуру. В момент, когда Баир передает ей камень, происходит то, что Лиза уже видела на выставке: в его ладонях белый нефрит на мгновение засвечивается изнутри. Глубокое, благородное сияние прошивает структуру минерала, делая его на секунду полупрозрачным, живым.

Ток Хан, подошедший следом, замолкает на полуслове. Он смотрит не на камень, а на пальцы Баира и на то, как свет затухает, возвращая нефриту его матовую плотность. Как архитектор сложных систем, Ток мгновенно фиксирует аномалию, которую не способна объяснить логика GNS.

— Ток Хан, — представляется он, и в его голосе впервые звучит интонация игрока, встретившего равного. — Кажется, нам есть что обсудить за пределами графиков.

Глава 2 Не принятое предупреждение

Сингапур в июне — это парилка, где само небо давит на плечи. В офисе Тока Хана на сороковом этаже небоскрёба кондиционеры гудели на пределе, но Баиру казалось, что он всё равно чувствует этот липкий, смертельный зной, поднимающийся от залива.

Ток Хан нервно расхаживал перед своим терминалом Bloomberg. Его лицо, обычно — маска восточного самообладания, дёргалось от лёгкого нервного тика.

— Баир, это всего лишь техническая коррекция в Бангкоке! — Хан резко развернул монитор, тыча пальцем в изломанную линию на графике. — Моя система показывает, что «тигры» перекуплены, но они не упадут. Южная Корея, Индонезия они — монолиты! Государство и корпорации — они одна семья. Понимаешь? Одна кровь!

Баир стоял у окна, сцепив руки за спиной. В его позе было что-то от неподвижности утеса, наблюдавшего смену эпох. Он не смотрел на графики. Он смотрел сквозь стекло, на горизонт, где хаос уже начал разворачиваться.

— Кровь может быть заражена, Ток, — голос Баира звучал низко, почти резонируя в тишине офиса. — Ты называешь это «семьёй», а я называю это метастазами. Твоё «чудо» построено на лжи. Ты стёр грань между карманом государства и частным интересом. Когда бюрократ шепчет директору банка на ухо, кому дать кредит, — это не экономика. Это кумовской алтарь, где ты жертвуешь будущим.

Хан замер. Слова Баира били не про цифры — они ударили в самый фундамент его мира.

— У них краткосрочные долги в долларах, Ток, — продолжил Баир, поворачиваясь. В тусклом свете офиса его глаза сверкали, как холодный нефрит. — И как только Таиланд отпустит бат — а он это сделает в июле, у них нет выбора, — все твои «монолиты» превратятся в картонные декорации. Твои чеболи пожрут друг друга, потому что у них нет иммунитета. Ликвидность испарится в течение двадцати четырёх часов.

Лиза, молчавшая в тени кожаного кресла, вздрогнула. Она видела Баира в разных состояниях, но сейчас от него исходила почти физическая сила. Это был не экономист с дипломом — это был судья, зачитывающий приговор.

— А Москва? — выдохнул Хан, хватаясь за последнюю соломинку. — Мы можем переложиться в российские бумаги, доходность ГКО безумна

— Забудь про Москву, — оборвал его Баир. — Москва — всего лишь эхо. Всё там рухнет ровно через год, как только волна, запущенная здесь, достигнет их берегов. Прямо сейчас ты стоишь в эпицентре. Беги, Ток. Если сможешь.

Хан не ответил. Он опустился в кресло, погружаясь в цифры, которые больше не могли ему помочь. Его разум перегрузился, пытаясь втиснуть пророчество Баира в старые формулы.

Баир подошёл к Лизе. Она встала, её дыхание сбилось. В этой комнате, наполненной электрическим гулом мониторов, они казались единственными живыми душами. Баир взял её за запястье — выше, чем при обычном рукопожатии. Его пальцы были горячими, как камни в степи под полуденным солнцем.

Лиза почувствовала, как дрожь пробежала по её телу. В этом прикосновении было всё: предупреждение, защита и невысказанное предложение другой жизни.

— Он не услышит, — тихо сказал Баир, глядя ей прямо в глаза. — Он верит в алгоритмы. Но ты поверь мне. Переведи свои активы в золото и наличные. Сейчас.

Он не отпускал её руку. Лиза почувствовала, как её пульс выравнивается, подстраиваясь под его спокойный, тяжёлый ритм. Между ними открылось безмолвное пространство, где слова больше не были нужны. Она увидела бездну в его зрачках, но внутри этой бездны был порядок.

— Почему ты это делаешь? — прошептала она, едва дыша.

Баир слегка улыбнулся — улыбкой воина, знающего цену жизни перед битвой.

— Потому что среди руин должны остаться те, кто достоин построить новый мир.

Он отпустил её руку и вышел из офиса, не оглядываясь. Лиза осталась стоять, прижимая ладонь к тому месту на запястье, где всё ещё ощущалось тепло его кожи. За окном сверкнула молния, и секунду спустя Сингапур накрыла сплошная стена дождя. Таймер катастрофы начал свой отсчёт.

Глава 3 Бремя высоты

Лиза стояла на открытой площадке. На такой высоте ветер не дует — он бьёт. Она поправила защитную каску, слушая, как Мюллер бубнит о «логистических пробелах» и «рамках поставок стали».

— Это вопрос логистики, Элизабет, — резко бросил Мюллер. — Бригады отстают
Он оборвал себя на полуслове.

Из тени бетонной колонны вышел рабочий. Выцветший оранжевый жилет, низко спущенный пояс с инструментами. Лицо скрыто маской, глаза — за тёмными очками. Он прошёл к самому краю, где пропасть Манхэттена открывалась прямо под его ботинками.

Он не взглянул на них. Просто протянул руку и коснулся стальной балки — спокойно, тяжело, словно кто-то кладёт руку на старую лошадь.

Сердце Лизы пропустило удар. Этот жест. Этот наклон головы. Из глубин 97го года вновь поднялся «жар камня».

— Эй, ты! — рявкнул Мюллер. — Мы тут обсуждаем график. Где твой бригадир?

Рабочий обернулся. Медленно. Спустил маску и сдвинул очки наверх. Ни следа спешки. Только спокойствие человека, видевшего, как горят миры и рушатся империи.

Лиза почувствовала, как покачнулся небоскрёб.

— Баир?.. — её голос дрогнул.

Она шагнула вперёд, забыв о свите и Мюллере. В её глазах появилось то, чего Нью-Йорк никогда не видел: чистая, беззащитная нежность. Потрясение от находки титана в груди строительного мусора.

— Город вырос, Лиза, — сказал Баир. Его голос не боролся с ветром — он повелевал им. — Но фундамент остался прежним. Гнилым.

Лиза всмотрелась в его руки — мозолистые, серые от пыли. Она увидела всё: девяностые, силу, абсолютное признание.

Мюллер начал что-то говорить, но Лиза, не глядя, резко вскинула руку. Один жест — и мир исчез. Остался только мужчина в рабочем жилете.

«СентРегис». Ночь.

В комнате стояла тишина. Гул Манхэттена за шторами казался шумом с мёртвой планеты. Лиза ощутила тяжёлую, глубокую удовлетворённость во всём теле — то редкое состояние полной физической и умственной неподвижности, которое приходило к ней только рядом с ним. Это была не просто усталость; это было ощущение вернувшейся целостности, словно всё гнетущее напряжение её нью-йоркских лет наконец растворилось. Она лежала, наблюдая за световыми следами на потолке, и тепло, исходящее от Баира, казалось единственной настоящей вещью в городе.

В тени его профиль напоминал резной нефрит.

— Почему теперь называют себя «Алом»? — тихо спросила она. Тут же спохватилась: — Прости. О таком не спрашивают.

Баир смотрел в темноту над окном.

— Прошло двадцать лет, Лиза. Всё изменилось.

Она приподнялась, глядя в его лицо. Диссонанс между этими грубыми руками и шёлковыми простынями исчез. Осталось только ядро.

— Ты приехал сюда из-за Ток Хана?

Баир медленно повернул голову.

— Хан думает, что строит будущее. Он забыл мой урок из девяносто седьмого. Он всё ещё верит в правила — просто теперь считает, что может их писать. Опасная иллюзия.

Глава 4 В Таксимо.

В кабине пахло жженой соляжкой и старым собачьим мехом. Печка выла, но ноги всё равно прихватывало морозом. Николаич сидел свернувшись, засунув руки в пазухи тулупа. Его трясло мелкой, изматывающей дрожью. Он смотрел в узкую щель на лобовом стекле, которую Баир процарапал ножом в инее.

На перевале поперек дороги стоял «Уазик». Его почти не было видно в белом тумане, только габариты тускло светились. Около машины стояли двое. Один махал рукой, другой просто стоял, опустив голову.

— Баир, тормози, — прохрипел Николаич. — Люди же...

— Это не люди. Они хуже зверей в тайге. Эти выживут, и это хуже для нас - ответил Баир. Он даже не посмотрел в сторону Николаича. Он просто переключился на пониженную. Двигатель «Урала» взвыл, надрываясь.

— Баир!

Удар был тупой, короткий. Бампер смял дверь «Уазика», как консервную банку. Машину просто отшвырнуло в сугроб. Баир мельком увидел в зеркало, как один из тех, что стояли на дороге, прыгнул в сторону, заваливаясь в глубокий снег.

«Урал» дернулся, перевалил через что-то твердое — видимо, через оторванный мост «Уазика» — и пошел дальше, набирая обороты.

— У них же движок заглохнет сейчас, — Николаич повернулся, глядя назад через обмерзшее заднее стекло. — Они же всё. Конец им.

— Пусть копают, — сказал Баир. Голос был сухой, без злости. Просто констатация. — Вова, ты как?

— Срезал им морду, — отозвалась рация коротким хрипом. — Идем дальше.

Николаич замолчал. Он посмотрел на свои руки в засаленных рукавицах, потом на ящик под сиденьем. Там, среди гаечных ключей и ветоши, лежал рюкзак с нефритом. Тот самый белый окатыш, из-за которого они сейчас не остановились.

Баир достал из кармана пачку «Примы», выудил сигарету зубами.

— Спичку зажги, — бросил он Николаичу. — У меня пальцы не гнутся.

До базы дотянули к рассвету. Небо над гольцами стало мутно-серым, но легче не стало — мороз к утру только придавил. Баир не глушил двигатель, потом не заведешь.

Николаич не шевелился. Он так и сидел, вцепившись в ручку двери, глядя в одну точку.

— Вылезай, приехали, — Баир толкнул дверь. Она отозвалась коротким костяным хрустом — смазка на петлях окончательно встала.

Вова уже выпрыгнул из второго «Урала». Он подошел, похлопывая рукавицей о рукавицу. Лицо у него было белое от инея, только глаза поблескивали.

— Баки полные, — коротко сказал Вова, кивнув на грузовики. — Но рессора на моем, кажись, лопнула, когда «Уазик» бортанул.

Баир кивнул. Он обошел машину, открыл пассажирскую дверь и буквально вытянул Николаича наружу. Тот встал на ватных ногах, пошатнулся.

— Иди в балк, — сказал Баир. — Чай пей. И не думай много. Вредно это здесь.

Николаич посмотрел на него, хотел что-то сказать — про тех, на перевале, или про бумаги, которые теперь ничего не значили, — но только махнул рукой и побрел к освещенному окну вагончика.

Баир вернулся к кабине. Полез под сиденье, вытащил тяжелый, промасленный рюкзак. Лямки задубели, кожа на них потрескалась. Он расстегнул клапан. Внутри, среди ветоши, тускло белел камень. Один большой окатыш, весом килограмма три, и россыпь помельче.

Вова подошел сзади, заглянул через плечо.

— Стоило оно того? — спросил он, имея в виду не деньги, а то, что осталось на зимнике. Баир закрыл рюкзак.

— Этот камень в Пекине будут в руках держать люди, которые решают, сколько хлеба съест твоя семья в следующем году, Вова. Стоило или нет — не нам решать. Мы просто доставили.

Он закинул рюкзак на плечо.

— Пошли. Надо Николаичу спирта налить, а то он до вечера не отгадет.

Глава 5 Не те пошли черти сегодня

Шлагбаум на въезде в Таксимо был опущен. Рядом с вагончиком, в густом мареве выхлопных газов, стояли три машины: потрепанная «девятка» и два тяжелых джипа, чьи кузова обросли коркой грязного льда.

Баир нажал на тормоз. «Урал» недовольно лязгнул и замер, окутанный облаком пара. Из джипов начали выходить люди. Не работяги и не лесорубы — это было видно по тому, как они держали руки в карманах объемных пуховиков и как уверенно рассредоточились по дороге. У двоих из-под курток отчетливо проглядывали стволы укороченных «Калашей».

— Урки, — выдохнул Николаич, внезапно протрезвев. Его снова затрясло, но теперь не от холода. — Откуда они узнали, Баир?

— В этой тайге у сосен есть уши, а у каждой рации — лишний слушатель, — Баир не снимал рук с руля. Он смотрел прямо перед собой, где к кабине уже шел высокий человек в норковой шапке, с лицом, похожим на обветренный кусок скалы.

Вова в зеркале заднего вида увидел, как вторая группа перекрыла путь его «Уралу». Бежать было некуда.

— Баир, у меня монтировка под рукой... — прохрипел в рацию Вова.

— Сиди ровно, — отрезал Баир. — Против свинца железо не пляшет.

Человек в норке подошел к двери и постучал стволом пистолета по стеклу. Баир медленно опустил окно. В кабину ворвался запах чужой уверенности и дорогого табака, который здесь, среди солянки и мороза, казался ядовитым.

— Здорово, бродяги, — сказал человек, прищурился серые, как свинец, глаза. — Слышал, вы с гольцов подарок везете. Белый, гладкий, весом в три жизни. Покажете или будем снег вашей кровью греть?

Николаич сжался, глядя на рюкзак в ногах. Тот самый камень, который из Пекина должен был кормить их семьи, сейчас превратился в их смертный приговор здесь, на снежной окраине Бурятии.

Человек в норковой шапке не успел договорить. Баир медленно открыл дверь, и от этого движения воздух вокруг машины будто загустел, став тяжелым, как ртуть. Николаич зажмурился, чувствуя, как от водителя начала исходить такая волна древней, первобытной силы, что даже морозные рисунки на стеклах замаячили, как живые.

Баир спрыгнул в грязный снег. Он не прятал рук и не суетился. Он просто стоял, и бандиты, сами того не осознавая, начали стягиваться к нему, как железные опилки к мощному магниту. Урки из джипов, те, что с автоматами, те, что перекрывали дорогу Вове — все они подошли ближе, замороженные им.

— Подарок, говоришь? — голос Баира теперь не хрипел. Он рокотал, как обвал в горах Саянах. — Подарки нужно заслужить.

Старший в шапке открыл рот, чтобы огрызнуться, но звук застрял у него в горле. Баир не наносил ударов в привычном понимании. Он просто сделал едва заметное движение плечами, будто расправлял невидимые крылья или брался за рукоять серебряной плети, которой у него сейчас не было.

В ту же секунду реальность дрогнула. Снег, лед и выхлопные газы Таксимо на миг сменились золотым маревом небесного пастбища. Ударная волна — невидимая для глаз, но сокрушительная для духа — разошлась от Баира. Все семеро, включая вооруженных «быков», рухнули в грязный снег одновременно, будто им разом подрезали жилы. Они не потеряли сознание, но их воля была раздавлена, прижата к земле мощью того, кто когда-то сражался с демонами-мангутами.

— Вова! Миша! — крикнул Баир, и в его голосе снова прорезался привычный тон водителя «Урала». — Кончайте в кабинах греться. Пакуйте этих «бродяг». Куда-нибудь в тепло их.

Из второй машины выскочили Вова и Миша. Они работали быстро и слаженно, как люди, которые знают: если их босс «включил» такую тишину, вопросов задавать не стоит. Автоматы полетели в сугроб, руки урок затягивали их же ремнями.

Николаич, наблюдавший всё это из окна, мелко перекрестился. Он начинал понимать, что нефрит — это самое безопасное, что было в этой машине.

Баир достал «Приму», прикурил от зажигалки Миши и выдохнул дым в серое небо.

— Не те нынче мангуты пошли, — негромко бросил он в пустоту. — Мелкие. Жадные.

Глава 6 Степняк в алгоритмах Уолл-Стрит

— Я знаю, что ты приехал в Нью-Йорк не только ради того, чтобы переспать с моей женой, — Ток Хан даже не поднял глаз от монитора, его лицо оставалось маской, не выдававшей затаённой обиды. — Мне прекрасно известны обычаи в твоей дикой тундре: предложить жену почётному гостю, и как отказ может стать тяжким оскорблением для хозяина. Так что же привело тебя сюда? — Резкость в его голосе наконец выдала его чувства.

— Какое у тебя сейчас кредитное плечо? — Баир не спрашивал — он констатировал, словно ставил диагноз. — В пять раз? Или уже выше?

— Я сокращаю плечо, — отрезал Хан, наконец откидываясь на спинку кресла. — Избавляюсь от непрофильных подразделений, урежаю расходы. Очищаю баланс к концу квартала. Стандартная гигиена.

— Ты вырезаешь мясо, Ток. Но тебе нужен более острый скальпель. Что потребуется, чтобы ты доминировал в секторе, когда всё это сгорит дотла?

— У меня есть идея. Хочешь долю? — Хан коротко хмыкнул. — Весь рынок сейчас — горящий бордель, Баир. У меня отрицательный денежный поток, а кредиторы засыпают меня маржин-коллами быстрее, чем я успеваю брать трубку. Ты просишь меня войти в огонь с канистрой бензина?

— Теперь я Алтансух. Зови меня так, — спокойно сказал Баир, подходя к окну. Снаружи надвигалась буря, поглощая Манхэттен в сером тумане. — Именно поэтому ты избавляешься от сенсорного подразделения. Тебе не нужны инвестиции «на рост». Ты хочешь наличные для проблемных активов. Ты собираешься сыграть на падающем рынке — как стервятник.

Ток Хан замер, ручка в его руке застыла. Прямое попадание.

— Допустим, это так. У «Инфратеха» в Мюнхене есть завод по производству фильтров. Технология — чистое золото, но у немцев дыра в оборотном капитале — они даже зарплату не смогут выплатить к пятнице. Если я их заберу ...

— через пять лет ты будешь в каждом смартфоне на планете, — закончил за него Баир. — Но тебе не хватает ликвидности. Немцы просят сорок миллионов, молятся о чуде. Но завтра их рейтинг упадёт до «мусорного», и они пойдут ко дну. Ты заберёшь их за двадцать один миллион евро. Это полпроцента их выручки, Ток.

Хан прищурился:

— Двадцать один миллион? Откуда взялась эта цифра? Твои аналитики в степях научились считать лучше, чем мои в Гарварде?

— Мои аналитики — отсутствие страха и понимание, где появится следующая трещина. Я вывел двадцать миллионов из золота сегодня утром. Твёрдая валюта, Ток. В руках. Пока все остальные бегут в «тихую гавань», я иду к берегу, чтобы забрать то, что выбросит шторм.

В этот момент молния ударила в шпиль соседнего здания. Свет в офисе замерцал, на мгновение искажая геометрию теней. На долю секунды воздух в комнате стал тяжёлым и густым, словно в юрте перед сильной бурей, и силуэт Баира у окна, казалось, заслонил весь горизонт. Затем свет стабилизировался, и гость снова стоял там — собранный и непроницаемый.

— Мне нужно, чтобы ты был моим «лицом», — продолжил Баир. — Ты — лицензированный хищник с дипломом. Я — тень. Ты будешь покупать то, на что я укажу.

Ток Хан молча смотрел на красные тикеры терминала Bloomberg, неумолимо ползущие вниз. Его первобытный инстинкт шептал: этот человек смотрит не на графики; он видит новую карту мира.

— Двадцать один миллион, — прошептал Ток, доставая чистый лист для соглашения. — Ты грабитель, Алтансух. Но в этом борделе под названием Уолл-стрит мне как раз не хватало кого-то, кто понимает, что такое Blood Equity.

Глава 7 Немцы в кармане

— Ток, это безумие! Свифт из Улан-Батора? — Майер почти задыхался. — Компаенс заблокирует его через секунду, эти деньги не успеют до закрытия биржи!

— Деньги уже здесь, Ганс, — Ток ледяным взглядом смотрел на терминал. — Они висят на моем корсчете в JP Morgan как «неподтвержденный депозит» из Монголии уже три часа. Весь Уолл-стрит парализован, банкиры боятся собственной тени, и никто не рискнет нажать «отмена». Но как только я введу код авторизации — они станут твоими. Прямо сейчас.

Ток занес палец над клавишей Enter.

— Либо ты принимаешь эти двадцать один миллион из дикой тундры, либо ты идешь на дно вместе со всей старой Европой. У тебя пять секунд, Ганс. Пять. Четыре...

В трубке воцарилась мертвая тишина. А потом — тяжелый, надрывный вздох.

— Делай это.

Ток ударил по клавише.

Bloomberg взвыл. Звук прорезал тишину кабинета, как скрежет металла о металл — резкий, неестественно громкий. Майер на том конце вскрикнул, и связь оборвалась.

Ток Хан отшатнулся от монитора. В графе статуса платежа серая надпись «Pending» вспыхнула ядовито-зеленым: **«FUNDS RELEASED. AUTHORIZED BY KHAN FUND LLC.»**

— Это было слишком громко, Алтансукх, — Ток вытер пот со лба. — Этот звук он как будто пришел не из динамиков.

Баир медленно обернулся.

— Обычные люди слышат шум рынка, Ток. Но те, кто ставит на кон Blood Equity, слышат, как проворачиваются шестеренки мира. Твой банк думает, что он просто провел транзакцию. Но на самом деле ты только что вырезал сухожилия старого мира. Теперь эта технология принадлежит не Мюнхену. Она принадлежит нам.

Ток Хан долго смотрел на пульсирующую строку подтверждения, затем медленно перевел взгляд на свои руки. Пальцы всё еще подрагивали, но внутри него уже начал работать холодный калькулятор. Звук «лопнувшей струны» вытеснил страх, оставив место для хирургической точности.

— Если технология теперь наша, — заговорил Ток, и его голос обрел ту самую сухую, монотонную жесткость, которая позже заставит трепетать советы директоров по всему миру, — то нам не нужен весь этот баварский балласт. Завтра я прикажу Майеру уволить две трети штата. Мы оставим только инженеров-разработчиков и патенты. Завод в Мюнхене — это косты. Мы перенесем производство туда, где электричество и люди стоят дешевле.

Баир одобрительно кивнул, его силуэт в окне снова слился с грозовым небом.

— Режь смело, Ток. Оставляй только суть. Но чтобы эта суть работала, ей нужны ворота.

— Доки в Нью-Джерси, — Ток прищурился, уже прикидывая структуру сделки. — Сейчас никто не купит порт напрямую, это самоубийство. Но Lehman Brothers держат облигации портовых операторов на сотни миллионов. Завтра, когда рынок откроется и все увидят, что Lehman — труп, эти бумаги полетят в мусорную корзину.

Ток подошел к терминалу и начал быстро вводить команды, подготавливая ордера.

— Я выкуплю их долги за двадцать процентов через офшорную прокладку, — продолжал он, не оборачиваясь. — Для регуляторов это будет выглядеть как «спасение ликвидности» американским фондом. Никаких арабских шейхов или монгольских князей. Только чистый американский капитал, подбирающий обломки.

Он замер и посмотрел на Баира через плечо.

— Но мне нужно, чтобы твои «степные ресурсы» заполнили эти терминалы. Без монгольских редкоземельных металлов мои фильтры из Мюнхена — просто куски кремния. Ты обеспечишь поставки неодима?

Баир подошел к столу и положил ладонь на полированную поверхность. Току показалось, что дерево под его рукой едва слышно закрипело.

— Металл уже в пути, Ток. Пока мир считает убытки в бумажках, мои караваны уже меняют курс. Как только ты заберешь ключи от Джерси, первый танкер войдет в залив. Без деклараций. Без посредников.

Ток Хан кивнул. Звук терминала Bloomberg снова отозвался в его голове, но на этот раз он был похож не на выстрел, а на лязг затвора.

— Значит, мы не просто скупаем активы, — прошептал Ток. — Мы замыкаем цепь.

— Мы строим систему, которую невозможно отключить, — ответил Баир. — Включай алгоритм по Джерси. Пора забирать наши ворота.

Глава 8 Откуда деньги

— Послушай, Баир, прости, Алтансух, — начал Ток, понизив голос на октаву. — Откуда берутся такие деньги? В 97м ты точно не разбрасывался миллионами.

Он поймал резкий, непроницаемый взгляд Баира и быстро поднял руку.

— Послушай, ты знаешь, почему я спрашиваю. Сейчас 2008 год — мир горит. Если ты какой-то российский актив, играющий со «чёрной кассой» Путина, мы обречены. ФБР не шутит, особенно сейчас.

— Успокойся, Ток, — ответил Баир голосом холодным, как сибирский ветер. — У меня давний конфликт с российским государством. Именно поэтому я стал Алтансухом.

Ток прищурился, изучая силуэт своего партнёра.

— Проблема в том, что быть призраком — тоже плохо для бизнеса. Политический багаж — тяжёлая ноша.

— Это не криминальная история, Ток. Это предательство. Меня подставили. Чисто, профессионально и лишили всего, что у меня было.

Ток откинулся на спинку кресла, помешивая лёд в бокале.

— Если не хочешь ворошить прошлое, не надо. Просто скажи, что деньги «чистые». Это всё, что мне нужно.

— Я дам тебе достаточно, чтобы ты не дёргался, — сказал Баир, глядя на мюнхенский горизонт. — Однажды в Макао я спустил миллион долларов за одну ночь.

— Миллион? — Ток чуть не подавился. На Уолл-стрит такая безрассудная трата считалась смертным грехом.

— Да. Даже, я думал, что всё потеряю. Но один умный человек там сказал мне: «Перестань бросать кости и начни играть на цифрах». Займись рынками.

— Так ты пришёл ко мне?

— Не сразу. Сначала я изучил российский фондовый рынок. Торговал внутри дня, спекулировал на мелочах ... но объёмы были смешными. Тогда я отправился в Санкт-Петербург, зашёл в штаб-квартиру «Газпрома» и предложил выкупить долю. Я хотел кусок трубопровода в Китай. Я уже провёл подготовительную работу в Пекине — мои старые клиенты ждали.

Баир замолчал, его челюсть напряглась.

— И? — подтолкнул Ток, наклоняясь вперёд.

— И вот я здесь. Без нефритового бизнеса, без связей и с новым именем. Мне пришлось бежать через монгольскую границу, чтобы просто остаться в живых. Эти деньги, Ток? Это то, что мне удалось вытащить из обломков моей прошлой жизни.

Глава 9 Зашла Лью

— Десять дней на бобах, Ал. Ребята звереют. У Джо младший в больнице, страховки нет — всё улетело вместе с этим гребаным фондом в августе.

Салливан тяжело оперся локтями о стол. В кабинете над доками Нью-Джерси пахло старым табаком и безнадёгой.

— Им нужно во что-то верить, понимаешь? Не в цифры на экране, а в то, что завтра причал не закроют на цепь. Если я сейчас скажу им «назад за рычаги», они меня самого в залив сбросят.

Ал молчал, глядя, как за мутным стеклом замирает гигантская стрела крана. Потом медленно повернулся и положил руки на стол. Ладонями вверх.

— Ты думаешь, я не знаю, как пахнет пустой холодильник, Салли? Мои пацаны в Таксимо ели черемшу с солью, чтобы не сдохнуть, пока мы ждали расчет. Я знаю, вам нужны деньги, чтобы кормить семью — я вам это дам. Я не принес тебе обещаний из телевизора. Я принес тебе фундамент. Семьи докеров останутся в своих домах. Я дам им работу, которую у них никто не отберет, потому что за этим портом стою я. А я не банкрот. Я — тот, кто закапывает банкротов.

Ал включил свой психический радар. Салливан смотрел на его руки, на которых еще были остатки мозолей. Он видел руки человека, который строил высотки и копал землю. Ирландец почувствовал, как реальность в кабинете уплотняется. Он увидел в Але не инвестора, а жоака. Пакт был подписан.

Зашла Лью.

Она принесла с собой запах холодного дождя и чего-то за пределами дорогого. Остановилась у двери, тонкая, как лезвие. Её взгляд — быстрый, как удар ножа — прошел по рукам Ала, по сторбленной спине Салливана.

Радар Ала выдал сухую искру. Короткое замыкание. До этого мир в кабинете был понятным: бетон, металл, пот. Но Лью вошла как высокочастотный сигнал, который не отражался от стен, а проходил сквозь них. Она была не просто женщиной — она была другим измерением, где «черемша с солью» не имела веса. Его радар не мог нащупать её слабые места, потому что она не боялась. Она не была «рыхлой». Она была такой же плотной, как и он сам, но из другого вещества.

Лью молчала. Она просто стояла там, и Ал кожей чувствовал, как выстроенный им монолит в глазах Салливана начинает давать трещины под этим стерильным, ледяным взглядом.

— Переговоры закончены? — её голос прозвучал как шелк, разрезающий сталь.

Салливан выпрямился, и Ал увидел, как в глазах ирландца снова вспыхнул страх перед тем огромным, безжалостным миром, который эта девочка держала в своих тонких пальцах.

В машине по пути в офис Тока было тесно от тишины. Лью сидела рядом, слишком близко. За окном проносились серые бетонные перекрытия Нью-Джерси.

— Ты хорошо его прочитал, Ал, — она не смотрела на него. — Мозоли — это сильный ход. Но Салливан — это прошлое. А мы покупаем будущее.

Ал медленно разжал кулак.

— Будущее не строится на пустом месте. В Джерси мы покупаем не логистику, а людей. А они понимают только два языка: язык крови и язык голода.

Лью повернулась к нему. В полумраке салона её глаза казались двумя глубокими провалами.

— Кровь и голод — это слишком дорого, — она чуть сузила глаза. — Я здесь, чтобы оптимизировать расходы. Твоя тундра мешает расчетам, Алтансух.

Ал почувствовал, как радар выдал сухую искру. Воздух в машине стал наэлектризованным.

— Расчеты горят первыми, когда начинается шторм, — он наклонился чуть ближе. — Ток верит в алгоритмы. Но ты... ты ведь уже чувствуешь, что фундамент начал вибрировать?

Лью не отодвинулась. На мгновение показалось, что между ними проскочил реальный разряд.

— Я чувствую только одно, Ал, — прошептала она. — Что искры бывают не только от трения металла. Но и от предвкушения короткого замыкания.

Ал открыл дверь и пропустил Лью перед собой. Ток, стоявший в своем огромном кабинете у окна со скрепленными за спиной руками, обернулся; в его глазах стоял немой вопрос. Ал прошел к длинному столу и сел, отодвинув стул.

— С профсоюзом отлажено, — сказал Ал. — Докеры будут работать. Но им надо заплатить. Сейчас. Кэшом.

— Кэш — это риск, — негромко произнес Ток, и в его голове проскользнула тень из 97-го. — Но если ты считаешь, что это цена швартовки ... Лью, подготовь мюнхенский транш. — он улыбнулся.

Лью на мгновение задержалась, так и не взглянув на Ала. Ток замер; он почувствовал, как изменился ритм дыхания в комнате. Это была не просто искра — это было признание.

Ток смотрел на них, и на мгновение его маска «лицензированного хищника» дала трещину. Он увидел то, что и так было очевидно: его алгоритмы — лишь декорация, пока этот человек из тундры стоит в его кабинете. И Лью только что это подтвердила. Без единого взгляда.

Глава 10 Офис CFIUS

Офис CFIUS в Вашингтоне пах промышленным ковролином и старой бумагой. Отсюда не было видно залива — только глухая стена соседнего ведомства.

Напротив Тока сидел мужчина в костюме, который стоил дешевле запонок Эла. Его звали Миллер. Он был «глазами» системы — регулятором, способным остановить любой караван одним росчерком пера.

— Мистер Хан, — произнёс Миллер, медленно переворачивая страницу в папке, — мы изучили структуру вашего «мюнхенского транша». Официально это инвестиции в «Инфратек». Но источник вызывает у нас опасения. Улан-Батор — не совсем тот финансовый центр, к которому мы привыкли.

Ток одарил его своей самой мягкой, вышколенной в Гарварде улыбкой. Он сидел идеально прямо.

— Мы живём в эпоху новой географии, мистер Миллер. Пока Уолл-стрит хоронит себя в деривативах, реальные ресурсы остаются в земле. Мы просто превращаем монгольский неоптим в американские технологии. Это вопрос национальной безопасности.

— Безопасность — наша работа, — Миллер поднял взгляд. Его глаза были пустыми, как у рыбы. — Никто в этом здании не хочет проснуться и обнаружить, что ворота Нью-Джерси принадлежат человеку с малайзийским паспортом и деньгами со степей.

— Я гражданин США с 1990 года, — тихо перебил его Ток, — мои дети растут здесь. Мои налоги строят эти дороги.

— Мы знаем про ваши налоги, — Миллер захлопнул папку. Звук получился сухим, как выстрел. — Но мы также знаем о вашем партнёре. Мистере «Эле». Человеке без фамилии, который исчез из Сингапура в 97м, чтобы всплыть на стройплощадке в Нью-Йорке. Его «радар» создаёт слишком много помех, Ток. Разведывательное сообщество называет это «повышенным риском иностранного влияния».

Ток медленно поднялся. Под его безупречным костюмом горел холодный огонь ярости.

— Лёд — это тоже фундамент, — сказал Ток, направляясь к двери, — если знать, куда ступить.

В коридоре он набрал номер Лю. Пальцы почти незаметно дрожали.

— Лю, — произнёс он, — вытащи всё по «петербургской» группировке. Той, что уничтожила Эла в России. Мне нужно знать, кто из них дышит нам в затылок в Вашингтоне.

Лиза стояла у окна, наблюдая, как дождь размывает огни Пятой авеню. Ток расхаживал по офису.

— Это они, Лиза. Те, кто подставил его там. Они добрались до Вашингтона. Миллер цитировал их досье.

Лиза медленно повернулась. В её глазах не было страха — только бесконечное терпение.

— Отпусти это, Ток. У «петербургской группировки» нет ничего общего с этим. Я знаю это наверняка. Сейчас у них слишком много проблем с передачей власти и ценами на нефть, чтобы гоняться за призраком в Нью-Джерси. Миллер давит на тебя потому, что так устроена система. Ты вошёл в порты. Система защищает себя.

Раздался стук в дверь.

Вошла Лю. Она выглядела измождённой, тёмные тени залегли под её обсидиановыми глазами — следы бессонной ночи за мониторами. В этом стерильном офисе её усталость казалась единственной реальной вещью.

— Я всё проверила, — Лю положила планшет на стол. — Глубокий аудит каждой транзакции, связанной с Алтансухом. Нет ни единого следа российского капитала. Ни одного контакта с их структурами за десять лет. Он чист, Ток. Миллер либо блефует, либо использует устаревшие «страшилки». На Эла ничего нет.

Ток посмотрел в уставшие глаза Лю, затем на неподвижную Лизу.

— Хорошо, — тихо произнёс Ток. — Будем считать это процедурой.

Он снова повернулся к окну.

Глава 11 Стальные узы

В офисе стоял густой запах озона от гудящих серверов и дорогого табака. Дождь барабанил по панорамным окнам, в которых безумным багровым цветом отражались терминалы Bloomberg: Уолл-стрит стремительно летел в бездну. Инвестиционный банк Lehman Brothers официально прекратил свое существование ровно три часа назад.

Миллер из CFIUS сидел напротив Тока, вцепившись в папку с «Петербуржскими досье» как человек, пытающийся бумажным щитом остановить цунами.

— Вы не понимаете, Ток, — голос Миллера сорвался на сухой хрип. — Этот ваш «Khan Fund LLC» перевод в двадцать один миллион долларов из Улан-Батора Свифт (SWIFT) зафиксировал его за считанные секунды до закрытия торгов. Это «призрачные» деньги. Это прямое нарушение всех протоколов безопасности, которые у нас есть.

Ток медленно откинулся на спинку кресла. Его лицо превратилось в маску из полированной стали, а глаза впились в Миллера с ледяной угрозой. Он мельком взглянул на Лью, которая неподвижно замерла на своем рабочем месте, занеся пальцы над клавиатурой.

— Протоколы безопасности, Миллер? — Ток позволил себе усмешку, в которой было больше угрозы, чем в оскале волка. — Еще вчера Lehman Brothers был «надежной» опорой системы. Сегодня их сотрудники выходят на улицу с картонными коробками, а их портфельные облигации в Джерси стоят меньше бумаги, на которой они напечатаны. Пока вы были заняты вылавливанием сплетен из Санкт-Петербурга, я замкнул этот контур.

Лью шагнула вперед и положила перед Миллером планшет.

— Мистер Миллер, взгляните на это. Мы не «отмывали» деньги. Мы провели экстренную ликвидацию баварских активов. Те самые двадцать один миллион долларов, которые комплаенс должен был заблокировать, уже конвертированы в контролирующий пакет акций «InfraTech».

— И что это меняет? — огрызнулся Миллер.

— Это меняет абсолютно всё, — Лью вывела на экран техническую документацию. — Патенты на очистку неодима теперь принадлежат американскому юридическому лицу. Если вы аннулируете эту сделку сейчас, вы передадите эти разработки попечителям Lehman по банкротству. А они продадут их первому встречному, чтобы закрыть свои бюджетные дыры. Скорее всего — китайцам. Вы готовы объяснить в Пентагоне, почему технология фильтрации для их спутников ушла в Пекин из-за ваших подозрений?

Миллер сидел молча, уставившись на безупречные черты лица Лью. Он почувствовал, как закрутились «шестеренки мира», о которых говорил Баир, готовые стереть его карьеру в порошок.

— Но происхождение средств — протестующе выдавил он. — Этот «Алтансух» Баир

— Баир поставил на кон «Blood Equity», — оборвал его Ток, и от холода в его тоне Миллер осекся. — Он рискнул ресурсами, которые наше правительство даже не считает за деньги. Пока вы дрожите над «неподтвержденными вкладами», его караваны уже изменили курс. Первый танкер с неодимом войдет в терминалы Джерси сегодня вечером. И не как контрабанда, а как сырье для нашего нового завода.

Ток подался вперед, сокращая дистанцию:

— Lehman Brothers мертв, Миллер. Кредитная линия, которую вы хотели использовать как рычаг давления, теперь стала нашим активом. Мы выкупили их долг по двадцать центов за доллар через оффшорную компанию-пустышку, пока ваши коллеги в Вашингтоне глотали антидепрессанты. Доки Джерси больше не заложены. Они наши. По праву силы и праву капитала.

В этот момент дверь офиса открылась. Вошли Лиза и Баир. Лиза выглядела безупречно, несмотря на царивший снаружи хаос. В руке она держала тонкую кожаную папку — оригиналы документов о передаче прав от Lehman, подписанные за полчаса до того, как в банке погас свет.

Она даже не взглянула на Миллера. **Она обернулась на Баира, который молча остановился позади неё, наблюдая за реакцией кабинета.**

— Всё кончено, — тихо сказала она. — Подписи заверены. Система распознала сделку.

Ток снова повернулся к Миллеру:

— У вас есть выбор, мистер Миллер. Вы можете выйти отсюда и попытаться составить отчет о том, что никто не выживет в этом пожаре. Либо вы можете признать, что мы построили систему, которую невозможно отключить. И стать частью нашего «зеленого коридора».

Миллер обвел взглядом четырех человек в комнате. Он увидел сталь в глазах Лью, лед в словах Тока, непоколебимое спокойствие Лизы и ужасающую тяжесть Баира, который оставался безмолвным, словно сама тундра.

— Урагшаа — негромко произнес Баир.

Для Миллера это было всего лишь странное иностранное слово. Для остальных это был приказ начать разгрузку.

Глава 12 Три часа назад

Внутри штаб-квартиры Lehman Brothers на Седьмой авеню воздух больше не пах деньгами; он пах страхом и перегретыми шредерами. Атмосфера была настолько наэлектризованной, что волосы на руках Лизы встали дыбом. Люди в помятых рубашках сновали по коридорам, вцепившись в картонные коробки с личными вещами — армия, потерпевшая сокрушительное поражение в войне, которую они даже не понимали.

Лиза шла сквозь этот хаос с ледяным спокойствием, которое выводило из себя её коллег. В руке она сжимала тонкую кожаную папку. Внутри были оригиналы документов, которые Ток заставил руководство банка подписать в последние часы перед тем, как юридический департамент выбросил белый флаг. Кредитная линия была выпотрошена до последнего цента, права на порт Джерси были переданы офшорной структуре Баира, а обязательства Lehman по «Мюнхенскому траншу» были зафиксированы как безотзывные.

— Элизабет! — рявкнул один из вице-президентов, его лицо было цвета прокисшего молока. — Куда ты идёшь? Нам приказали собрать все копии, касающиеся InfraTech... Миллер из округа Колумбия прислал официальный запрос...

Лиза даже не замедлила шаг.

— Миллер опоздал, Фрэнк. Системы уже заблокированы. Эти бумаги больше не принадлежат банку. Они принадлежат будущему.

Она вышла из здания, и гул Манхэттена ударил ей в лицо, как физический удар. Рой репортёров стоял на тротуаре, ловя каждое искажённое лицо выходящих клерков. Лиза поправила воротник пальто и направилась к чёрному внедорожнику, припаркованному во втором ряду.

Стекло плавно опустилось. Из темноты салона на неё смотрел Баир. В его взгляде не было ни сочувствия к рушащемуся за его спиной миру, ни чувства триумфа. Только бесконечное терпение человека, который видел, как города превращаются в прах.

— Ты сделала это? — коротко спросил он.

Лиза села на пассажирское сиденье и положила папку ему на колени.

— Ди Лью подтвердила перевод?

— Подтвердила, — кивнул Баир. — Ток прямо сейчас добивает Миллера в офисе. Миллер ещё не понял, что здание за его спиной уже горит.

Лиза посмотрела в зеркало заднего вида на небоскрёб Lehman Brothers.

— Они все рыдают из-за своих бонусов и опционов, Баир. Они думают, что это конец света.

Баир завёл двигатель. Гул мощного мотора завибрировал у неё в груди.

— Для них — так и есть. Они строили замки из цифр. Но ты вывела сталь из огня. По закону степи, в метель выживает не тот, у кого больше запасов, а тот, кто знает, где спрятан нож.

— Куда теперь? — спросила она, закрывая глаза. Усталость накатила на неё тяжёлой волной.

— В порт, — ответил Баир, и его голос зазвенел сталью. — Судно уже зашло в залив. Нам нужно забрать неоптим до того, как Миллер поймёт, что его «призрак» не просто существует — он уже держит ключи от городских ворот.

Внедорожник плавно тронулся, оставляя руины Уолл-стрит позади. Лиза чувствовала тепло, исходящее от Баира, и впервые в этот бесконечный сентябрь ей стало тепло.

Глава 13

Дождь над побережьем Джерси шёл плотной стеной, размывая янтарные огни портовых кранов в рваные пятна. Рёв Атлантики сливался с низким, ритмичным рокотом дизельных двигателей. Огромный сухогруз «Степной орёл» (*Steppe Eagle*) скользил в гавань — безмолвный для своих размеров, прорезая стальную гладь воды, словно лезвие.

Баир стоял у самого края пирса. На нём был всё тот же испачканный жилет повышенной видимости со строительной площадки. Ветер трепал его волосы, но он оставался неподвижным, наблюдая, как массивный корпус корабля притирается к бетонному причалу. В его кармане завибрировала титановая *Nokia*.

— Он на радаре, — раздался из трубки холодный голос Лью. — Миллер мобилизовал Береговую охрану и полицию штата. У них приказ заблокировать терминал до тех пор, пока статус активов *Lehman* не прояснится. У тебя есть десять минут, Ал.

— Десяти минут достаточно, чтобы разжечь пожар, — коротко ответил Баир и захлопнул телефон.

В этот самый момент четыре патрульные машины с заносом вылетели на пирс, завывая сиренами. Из чёрного седана, припаркованного чуть позади, вышел Миллер. Его дорогой костюм промок, а сам он выглядел растрёпанным, но глаза горели отчаянием человека, решившего идти до конца.

— Прекратить разгрузку! — закричал Миллер, размахивая листом бумаги. — По приказу CFIUS и Федерального суда все активы, связанные с линией *Lehman Brothers*, арестованы! Сержант, заблокируйте краны!

Офицеры в нерешительности двинулись к тяжёлой технике. Они не успели пройти и десяти ярдов.

Из тени складов, из-за штабелей пустых контейнеров начали выходить люди. Сотни людей. Докеры, грузчики, операторы кранов. Салливан шёл впереди, его огромные кулаки были сжаты, а лицо превратилось в маску мрачной решимости.

— Торопитесь куда-то, офицер? — прохрипел Салливан, преграждая путь полиции.

— У нас постановление суда, отойдите в сторону! — крикнул сержант, его рука нервно легла на кобуру.

— А у нас есть Закон желудка, — Салливан плюнул под ноги полицейскому. — Вчера, когда ваши банки накрылись медным тазом, этот человек, — он указал на Баира, — заплатил моей команде наличными. Он купил нам еду и оплатил медицинскую страховку, пока вы, ублюдки, были заняты спасением своих бонусов. Так что сегодня ночью этим портом управляет только один закон. И он точно не ваш.

Полицейские замерли. Они поняли, что смотрят не на толпу — они смотрят на **Орду**: организованную, злую и абсолютно преданную тому, кто накормил их в шторм.

Баир медленно пошёл навстречу Миллеру. Чиновник побледнел, ощутив физическую угрозу, исходящую от Баира — не просто ярость, а сокрушительный, давящий вес.

— Миллер, — негромко произнёс Баир, и его голос перекрыл шум дождя. — Лиза вывезла документы. Ток уже перевёл долги. Юридически этот порт чист. Но даже если бы это было не так... посмотри вокруг. Эти люди не читают судебных предписаний. Они знают, как работать. И они разгрузят этот корабль, потому что я так сказал.

Протяжный, торжествующий гудок корабля прорезал ночь. Швартовые канаты застонали, принимая нагрузку. Краны, повинувшись едва заметному кивку Салливана, начали опускать свои стрелы.

— Лью, — сказал Баир в трубку. — Отправляй подтверждение.

В этот самый момент в кабинете Миллера в Вашингтоне должен был зазвонить телефон. Ток, сидя в своем огромном офисе, выкладывал последнюю карту: подтверждение из Пентагона о том, что груз неопределима на борту «Степного орла» критически важен для национальной безопасности, и любая задержка будет расцениваться как саботаж.

Миллер посмотрел на Баира, на рабочих и на первый контейнер с монгольской маркировкой, который медленно опускался на бетон. Он понял, что проиграл. **Закон Степи** раздавил бюрократию.

— Это ещё не конец, Алтансух, — прошептал Миллер, отступая к своей машине.

— Для тебя — конец, — ответил Баир, наблюдая, как первый контейнер касается земли Джерси. — Для нас это только начало Пути.

Баир подошёл к контейнеру, сорвал пломбу и рванул тяжёлую стальную дверь. Внутри, под ярким светом прожекторов, тускло поблёскивали ящики с концентратом. Сверху на одном из них лежал небольшой предмет — шёлковый шарф, **синий хадак**, цвета глубокого, как небо.

Пролог

Ветер на высоте в четыреста футов не дул — он ревел, словно постоянный невидимый океан, вздымающийся между стеклянными каньонами Уолл-стрит. Джо, старый монтажник-высотник с кожей, похожей на смятую кожу, развернул свой сэндвич и посмотрел на Ала.

— На тебе нет страховочного пояса, парень, — сказал Джо; его голос был хриплым от десятилетий вдыхания каменной пыли. — Если прораб тебя застучает, тебя выставят со стройки. Хотя, глядя на тебя не думаю, что ты упадёшь, даже если здание опрокинется.

Ал медленно отпил из термоса. Он не смотрел вниз, на жёлтые такси, ползущие, как муравьи, далеко внизу. Он смотрел на запад, туда, где Гудзон сливался с серой дымкой горизонта.

— Земля слишком далеко, чтобы о ней беспокоиться, — ответил Ал. Его акцент был словно сдвигающиеся тектонические плиты — глубокий и непреклонный.

— У нас дома небо — это единственная крыша, которая у нас есть. Ты не боишься собственной крыши. Джо прищурился, разглядывая профиль Ала — высокие и широкие скулы.

— Ты похож на моего двоюродного брата с Резервации, — пробормотал Джо. — Но говоришь ты как, не знаю. Как танк. Откуда ты, Ал? Навахо? Лакота?

— Монгол, — сказал Ал. Слово прозвучало коротко, словно удар кремня.

— Точно. Чингисхан и всё такое, — усмехнулся Джо. — Но ты не похож на парней из фильмов. Ты выглядишь старше. Словно ты был здесь ещё до пилигримов и останешься здесь после того, как сталь превратится в ржавчину.

Ал наконец повернул голову. Его тёмные глаза встретились с глазами Джо.

— Твой народ, Джо они говорят, что вы — мастера высокой стали. Что вы не боитесь высоты.

— Это дар, — пожал плечами Джо. — Мы построили их башни, чтобы они могли смотреть на нас сверху вниз. Мы дали им высоту, а они дали нам бумажную волокиту. Ал полез в карман и вытащил небольшой гладкий камень с берега озера Байкал. Он положил его на стальную балку между ними.

— В городе человек — это номер на странице, — сказал Ал, указывая на бескрайнее открытое небо.

— Но здесь нет никаких страниц. Только ветер. Мой народ строил империи без единой стены. Мы не взбирались на небо — мы владели им. Ал встал на узкую балку; его равновесие было безупречным, тело наклонилось навстречу штормовому ветру, словно он сам был частью этой конструкции.

— Я не жду сигнала, — сказал Ал, глядя вдаль, на Атлантику.

— Я и есть сигнал. А вот твои друзья, они ищут врагов в грязи. Им следовало бы смотреть на горизонт. Он повернулся и пошёл по балке в сторону крана — так непринуждённо, словно прогуливался по лугу. Джо поднял маленький камень. Тот был тёплым, будто хранил собственное солнце.

— Не агент, — прошептал Джо себе под нос; по спине у него пробежал холодок. — Предок. Помоги Господи этому городу, если он когда-нибудь решит перестать быть вежливым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.